

БЕСЕДА М.С. ГОРБАЧЕВА С МИНИСТРОМ
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФРАНЦИИ Ж.Б. РЭМОНОМ

24 марта 1986 года

ГОРБАЧЕВ. Парламентские выборы во Франции в какой-то степени коснулись и нас. Прежде всего потому, что мы теряем посла Франции в СССР, с которым были налажены хорошие контакты. Ну что же, может быть у нас будет своя «рука» во Франции в лице министра иностранных дел, уделяющего должное внимание советско-французским отношениям.

Хотелось бы поздравить Вас с теми изменениями, которые произошли в Вашей жизни после недавних выборов во Франции.

Мы весьма ценили и ценим Ваше стремление содействовать улучшению и развитию отношений между Советским Союзом и Францией. Мы видели это во время подготовки прошлогодней советско-французской встречи на высшем уровне.

Визит во Францию был важным. Я думаю, то, что было сделано в те дни обеими сторонами – советской и французской, – по своему значению выходит за рамки двусторонних советско-французских отношений и, более того, за рамки европейских отношений. Это, если использовать строгие критерии, было событием международного масштаба. Идеи, высказывавшиеся тогда с советской и французской сторон, имеют важное значение, которое сейчас может быть еще больше, чем оно было в то время.

Прошу Вас передать привет Президенту Миттерану. Нам предстоит готовить его визит в Советский Союз. Сейчас, когда закончился XXVII съезд партии, – а это, как Вы понимаете, была большая работа, потребовавшая больших творческих и физических усилий, а также, попросту говоря, времени, – мы размышляем о наших внешнеполитических мероприятиях в ближайшее время и в перспективе. Могу Вам сказать, что в числе самых первых мероприятий стоит визит Президента Миттерана в Советский Союз.

Советско-французский диалог – я подбираю точное выражение – это нечто большее, чем поддержание нормальных дружественных традиционных отношений между нашими странами. Поэтому именно в этом контексте мы

будем рассматривать значение визита Миттерана в Советский Союз, если, конечно, ничего не изменилось в планах президента.

Возвращаясь к дням нашего пребывания во Франции, хочу сказать, что это были солнечные дни, несмотря на то, что политический горизонт накануне визита в каком-то отношении был мрачным. Сам визит, те солнечные дни запомнятся. У нас было много встреч. Состоялась также беседа в парижской мэрии с Шираком (в тогдашнем его качестве), а также с другими французскими представителями. В короткой беседе с Шираком один на один мы вспомнили о том, что в то время, когда он был при Президенте Жискара д'Эстэне (*Ж. Ширак в 1974-1976 годах занимал пост Премьер-министра Франции*), были подписаны важные соглашения по вопросам советско-французского сотрудничества. В той же беседе речь шла о его приезде в Советский Союз.

Просил бы Вас передать Шираку мои поздравления в связи с его вступлением на пост Премьер-министра Франции.

Мы надеемся, что в условиях новой расстановки политических сил во Франции диалог между нашими странами будет продолжаться на уровне правительств, парламентов, общественных организаций в области культурных, экономических и других связей.

Одним словом, могу лишь подтвердить то, что мною говорилось накануне визита и в ходе самого визита о значении для нас советско-французского сотрудничества. Может быть, я сделал бы один небольшой акцент: значение диалога, консультаций с Вами ныне еще больше возрастает ввиду того, что трудно идет процесс переговоров, поиска взаимоприемлемых решений с нынешней администрацией США. Свидетельство тому – события последние, известные акции Вашингтона. Не то, чтобы разрядку, но даже сам поворот в сторону разрядки в Вашингтоне никак не могут переварить. Они просто не знают, что делать в условиях нормальных международных отношений. Не приспособлена к этому нынешняя американская администрация, хотя само общество в США, похоже, созрело к тому, чтобы

участвовать в оздоровлении международного климата. Мы видим это, мы далеки от того, чтобы рисовать Америку сплошной черной краской. Мы видим весь спектр политических сил в этой стране. И, тем не менее, нынешняя администрация действует таким образом. Вот почему мы сегодня и говорим об этом.

Я, конечно, мог бы изложить Вам наши оценки. Но я воздержусь от этого, чтобы не загружать Вас уже в самом начале Вашей деятельности на посту министра иностранных дел. Вместе с тем хотел бы обратиться к Вам с такой просьбой: когда Вы начнете в своем качестве министра обозревать международные проблемы, – а Вы их всегда держали в поле зрения, – попробуйте сопоставить то, что делается после Женевы Советским Союзом и Соединенными Штатами. Такое сопоставление позволит Вам определить, кто какую линию проводит в международных делах.

Если бы Вы сочли возможным поделиться с нами своими соображениями, – это представило бы интерес. Я знаю, что Вы побывали в Париже. Я с удовольствием послушал бы Вас.

РЭМОН. Благодарю Вас, господин Генеральный секретарь, за согласие принять меня для беседы. Я признателен Вам за конкретные и интересные соображения, которые Вы только что изложили.

Прежде всего разрешите передать Вам привет от Президента Ф. Миттерана. Он просил передать Вам, что испытывает к Генеральному секретарю чувство большого уважения и по-дружески вспоминает о его прошлогоднем визите во Францию. Хотел бы также передать Вам привет и чувство уважения от Ж. Ширака, ставшего Премьер-министром. *(Ж. Ширак повторно назначен на пост Премьер-министра Франции 20 марта 1986 года.)* Как Вы сами упоминали, Ж. Ширак имеет опыт налаживания советско-французского сотрудничества. В 70-е годы в бытность свою Премьер-министром Франции он сыграл в этом деле определенную роль. Ж. Ширак проявляет большой интерес к проблемам советско-французских отношений, и уже в ближайшее время он обязательно продемонстрирует это.

Отвечая на Ваше шутливое замечание, что в моем лице у вас будет «рука» в Европе, замечу следующее: перед Вами, господин Генеральный секретарь, находится человек, который всегда в интеллектуальном плане интересовался Россией и Советским Союзом. В качестве посла Франции я пробыл в Москве около 14 месяцев. Своим пребыванием я очень доволен в профессиональном, семейном плане и во всех других отношениях. В определенном смысле мне повезло: я находился в Москве в то время, когда советско-французские отношения начали активизироваться и когда многие французские государственные деятели побывали в вашей стране. Благодаря этому обстоятельству мне удалось познакомиться с большинством ответственных советских деятелей как в правительстве, так и вне его.

Без всякого преувеличения скажу, что я с огромным интересом наблюдал за теми процессами, которые получили развитие в вашей стране вскоре после Вашего избрания на пост Генерального секретаря (а это событие произошло через месяц после моего приезда в Москву).

ГОРБАЧЕВ. Вас еще чего доброго обвинят.

РЭМОН. Мне думается, что я хорошо понимаю осуществляемые в вашей стране перемены. Я также хорошо представляю себе потенциальные возможности – подчеркиваю эти слова – потенциальные возможности изменений как во внутренней, так и во внешней политике Советского Союза.

ГОРБАЧЕВ. Вы правы, мы только начинаем.

РЭМОН. Естественно, я подробно информировал мое правительство о всех происходящих в Советском Союзе переменах.

Может быть, это и не очень скромно для иностранца, но все-таки хотел бы высказать одну мысль, думаю, что это не будет грубым вмешательством в ваши дела.

Среди происходящих в Советском Союзе перемен наибольшее впечатление на меня производит выдвижение на ответственные посты не просто молодых людей, но именно представителей нового поколения, которое

отличает в первую очередь иные, чем в прошлые годы, подготовка и концепции.

ГОРБАЧЕВ. Вы правы, речь идет не просто о молодых людях, но о новом поколении. Это серьезное желание, серьезное намерение. Это объективный процесс, который должен был быть отражен в политике. Поэтому мы здесь с Вами солидарны. Ваш анализ настолько точен, что мы выбрали бы Вас если не членом, то кандидатом в члены ЦК КПСС. Это, конечно, шутка.

РЭМОН. Я своему правительству об этом не скажу.

ГОРБАЧЕВ. Но это наше с Вами достояние. У нас есть такое право, потому что кроме официальной стороны мы почувствовали Ваше стремление – отнюдь не броское и навязчивое по внешней форме, но искреннее и эффективное – содействовать подготовке и проведению прошлогоднего визита во Францию. У нас было тогда хорошее общение. Я познакомился с Вашей супругой. Прошу Вас передать ей привет от моего имени, а также от имени моей супруги. Передавайте также привет госпоже Миттеран, госпоже Ширак, с которыми мы познакомились в те дни. Человеческие отношения, конечно, не заменяют политических отношений, но они являются важным элементом диалога.

РЭМОН. Полностью разделяю высказанную Вами оценку важности двусторонних советско-французских отношений. Согласен с Вами в том, что по своему значению прошлогодняя советско-французская встреча на высшем уровне вышла за рамки двусторонних отношений. Это, впрочем, соответствует традициям сотрудничества между СССР и Францией.

И еще одно замечание. Насколько мне известно, планы Президента Ф. Миттерана не изменились. У меня нет поручения конкретно коснуться вопроса о датах его визита в Советский Союз, но я знаю, что Ф. Миттеран подумывает об июне или же июле, причем, похоже, что предпочтение он отдает июлю. Затрудняюсь что-то добавить к этому, поскольку, повторяю, у

меня нет соответствующего поручения. Но планы Президента (подчеркиваю это) не изменились.

Я оценил то, как в этой беседе Вы коснулись вопроса о советско-американских отношениях. Мне известно, что Вы придаете большое значение европейскому направлению. Об этом свидетельствуют Ваши действия, когда Вы стали Генеральным секретарем ЦК КПСС. Вместе с тем я хорошо понимаю, какое большое значение имеют советско-американские отношения. Кстати говоря, в субботу утром в Париже у меня состоялась беседа с госсекретарем США. Встреча была ознакомительной и продолжалась около 20 минут.

В посольстве Франции в Москве у нас было ясное представление о позиции СССР на Женевской встрече. Мы также с большим вниманием следили за теми трудностями, которые появились в советско-американских отношениях в последние месяцы.

Я очень тщательно ознакомился с Вашими выступлениями на пресс-конференциях в Париже (совместно с Президентом Ф. Миттераном) и в Женеве, а также во время сессии Верховного Совета СССР. Мне представляется, что эти три выступления перекликаются с Вашим замечанием о появлении позитивных аспектов в жизни американского общества. И это несмотря на то, что в советско-американских отношениях в последние месяцы возникают определенные сложности.

ГОРБАЧЕВ. Да, это так.

РЭМОН. Жизнь так устроена, что все ее периоды теоретически являются переходными. Но мне думается, что мы сейчас находимся на переходном рубеже, переходном не в привычном, но именно в полном смысле этого слова. Надеюсь, что как во внутреннем, так и во внешнем плане Вы сумеете вложить позитивный смысл в этот переходный период, может быть, не сразу, но со временем хочется верить, что мы сумеем найти разумные компромиссы в области внешней политики.

Теперь несколько слов о моих впечатлениях по возвращении из Парижа. В прошлую субботу утро для меня было очень насыщенным. Сначала я встретился с Дж. Шульцем, затем с Ж. Шираком и некоторыми членами правительства. Потом я беседовал с Ф. Миттераном. И, наконец, в 11 часов присутствовал на первом заседании Совета Министров. Ситуация сложилась действительно необычная. Впервые за 28 лет Президент, которому по Конституции Пятой республики отводится ключевая роль, должен работать с правительством, придерживающимся политических взглядов, которые отличаются от его собственных.

У меня складывается впечатление, что, несмотря на большие трудности этого опыта, начало положено хорошее. Что меня поразило, – а за 60 лет жизни я многое повидал во Франции, – так это необычайный интерес, с которым французская общественность следила за формированием и первыми шагами нового правительства.

Мне как министру иностранных дел предстоит заниматься целым рядом трудных и безотлагательных вопросов. К числу них относится вопрос о французах, удерживаемых в качестве заложников в Ливане. Речь идет о 7-8 французских гражданах. Говорю так, потому что нам ничего неизвестно о судьбе одного из заложников. Среди насильственно удерживаемых французов – четыре журналиста второй программы французского телевидения (они были захвачены совсем недавно), два дипломата, один журналист и один научный работник. Именно в отношении последнего возникают мучительные сомнения. Трудно сказать, жив ли он в настоящее время или нет.

Господин Генеральный секретарь, не хочу злоупотреблять Вашим терпением, знаю, что у Вас много обязанностей. Я рад тому, что первая из моих бесед в качестве министра совпадает также с беседой в качестве посла, что позволило мне встретиться и обменяться мнениями с Вами.

ГОРБАЧЕВ. Я тоже рад тому, что мы встретились накануне Вашего отъезда. Я понимаю, что и у Вас много обязанностей, много забот. Я доволен

характером нашей беседы, которая отвечает духу советско-французских отношений, получивших дальнейшее развитие в последнее время.

Французское руководство может исходить из того, что мы будем продолжать и наращивать усилия с целью оздоровления международной обстановки. Для этого у нас есть в резерве и силы, и аргументы, и время, может быть, его даже больше, чем у других.

То, что делается Советским Союзом в области внешней политики, – это отнюдь не политическая игра. Подчеркиваю, это обстоятельство – отнюдь не политическая игра и не тактические ходы. Это наша стратегия, которая отвечает нашим интересам, большим интересам народа, нации.

Хотелось бы привлечь Ваше внимание еще к одному обстоятельству. Проводя нашу внешнюю политику, мы хотим, чтобы в ней присутствовал учет интересов не только Советского Союза, но также и интересов других стран. Без этого международное строительство просто нереально. Следовательно, нужно идти навстречу друг другу, искать пути и способы улучшения и оздоровления международных отношений. Поэтому мы считаем, что есть возможности для компромиссов.

Я думаю, что наиболее серьезным недостатком нынешней администрации США является тот факт, что она никак не может перестроить свою внешнюю политику, уйти от старых штампов. На первом плане стоят прежде всего интересы США, и лишь потом все остальное. Мы не чувствуем действительного стремления американской стороны строить межгосударственные отношения таким образом, чтобы учитывать интересы также и других стран. Это – первое.

Второе. (Второе по счету, тут дело, конечно, не в арифметике, а в существе.) **Мы европейцы. Мы и дальше будем отдавать приоритет Европе, европейскому направлению.** Именно так мы и будем действовать. Мы разделяем точку зрения французского руководства относительно того, что Европа может и должна внести свой конструктивный вклад. Когда заходит об этом речь, я четко представляю, где вы и мы находимся. Собственно, так мы и

беседовали с Президентом Миттераном осенью прошлого года. Об этом мы сказали и на совместной пресс-конференции. В частности, было подчеркнуто, что как в начале визита, так в ходе его и в конце визита мы находимся каждый в своей политической ситуации, в своих блоках и в разных политических системах. Это обстоятельство не является, однако, препятствием для того, чтобы развивались и укреплялись отношения между государствами. Такова принципиальная позиция Советского Союза.

Желаю Вам больших успехов в Вашей предстоящей работе. Счастливого пути.

РЭМОН. Еще раз благодарю Вас за беседу. Для меня большая честь быть принятым Вами. Я весьма признателен Вам за то, что между нами состоялся такой интересный и предметный разговор, о котором я не замедлю подробно информировать Ф. Миттерана и Ж. Ширака.

ГОРБАЧЕВ. Советские и французские руководители не оправдали бы надежд, возлагаемых на них народами обеих наших стран, если бы они ослабили внимание к советско-французскому диалогу, задаче укрепления и расширения сотрудничества между СССР и Францией. Политика только тогда становится серьезной политикой, когда она отвечает интересам народов, наций.

Что касается нас, то мы будем действовать именно в этом духе. До свидания.

РЭМОН. Господин Генеральный секретарь, Вы так хорошо сказали, что мне нечего к этому добавить. И поэтому последнее слово осталось, таким образом, за Вами. Впрочем, это не является нарушением протокола. Еще раз спасибо и до свидания.